

ЛЕРМОНТОВ знал, что он обречен.

Этой короткой, как выстрел, фразой Ираклий Андроников начинал свою последнюю телевизионную работу. Она называется «Альбом Одоевского». Речь идет о той самой старинной записной книжке, которую Одоевский подарил своему другу Лермонтову перед тем, как тот отправился на Кавказ в 1841 году. Будучи превосходным литератором, князь, очевидно, верил в таинственную связь пера и бумаги. Старинный альбом должен был подвигнуть поэта к творчеству. В качестве напутствия другу Одоевский сделал выписки из Евангелия: «Держитесь любви, ревнуйте же к дарам духовным, да пророчествуете». Такой уровень был задан на первой странице записной книжки. Лермонтов должен был этот уровень поддержать. Книга была подарена 13 апреля. 15 июля у подножия горы Машук, близ Пятигорска, поэт был убит.

Несколько страниц альбома Лермонтов успел заполнить стихами. Их читает Андроников, а мы всматриваемся, разглядываем, разгадываем строки, вписанные в альбом. Одна строка набегаает на другую, зачеркивается, вновь возникает, чуть измененная. В темных знаках ушедшей жизни блуждаешь, как в запутанном лабиринте. Слешные буквы иногда рассматривают в луну, и вдруг то, что казалось уже нераз-

личным, выплывает в светлое поле смысла. «Строка встала», — скажет Андроников с тем чувством профессионала, который знает устройство слова, его внутренний механизм и тайну словесных сочетаний.

Заполненные страницы озвучены голосом Андроникова, голосом совершенно особого реги-

лист бумаги вызывал такое чувство. Оно возникает из страшного соседства. Страницы, заполненные темными буквами, — это «Ночевала тучка золотая», это «Спор», «Тамара», «Листок», «Выхожу один я на дорогу». Это, наконец, «Пророк». Это второе послепушкинское начало русской поэзии, ее

дит в нашу память и кровь, в первообраз русской литературы, в ее родовую завязь. Андроников это знание держит в высоком строе речи, в самом способе чтения стихов, написанных в последние три месяца жизни. Его речь — быстрая, ясная, стремящаяся к какому-то итогу, к какой-то решающей мысли, к какому-то заветному слову. Стихи текут сплошным потоком, в одной проникновенной интонации, в одном голосовом напряжении. Стихи

кадре. Он перекрыт изобразительным рядом: нам показывают снежные вершины Эльбруса и Казбека, портреты современных Лермонтова, немецкое издание Гейне, живописные наброски поэта, портреты его убийц: прямого — Мартьянова и косвенного — русского самодержца Андроникова в кадре возникает редко, но каждый раз появления знакомого лица ждешь не дождешься. Когда голос соединяется с человеком, в котором он обитает, заново ощущаешь природу того дара, которым природа наделила Андроникова. Это дар проводника культуры, высокий дар рассказчика, который благодаря телевидению обрел многомиллионную аудиторию. Рассказы Андроникова — живая вода современной речи, современного ума, воскрешающего историю. В течение часа история беседовала с нами как бы по прямому проводу.

Любимая записная книжка князя Одоевского возвратилась к владельцу после смерти поэта. Стихи были напечатаны, альбом был помещен на вечное хранение в Публичную библиотеку. Андроников извлек его из архива, перелистал страницу за страницей, обнаружил разный смысл соседства жизни и смерти под одним переплетом. Он сделал альбом Одоевского таким фактом нашей культуры, который уже не забудут.

СТРОКА ИЗ АЛЬБОМА...

стра, которым заслушивались несколько поколений телезрителей. В нем появились новые обертоны — какая-то сосредоточенная, неизбывная, светлая печаль. Андроников ни разу не пошутил, ни разу не улыбнулся. Скорбная речь повествует о том, как в последний раз вспыхнул творческий гений поэта. Вспыхнул перед тем, как поэта убили.

Что значил для русской культуры выстрел Мартьянова, мы узнаем не из слов, не из патетических восклицаний, не из проклятий. Андроников в конце фильма просто перелистает пустые страницы альбома, те, что Лермонтов не успел заполнить. Пустота этих страниц огулашает. От этой пустоты перехватывает горло. Я не помню, чтобы чистый

плодоносный корень, ее основа. И сразу же — обрыв, пустыня желтого листа, желтая пустыня смерти.

Новый фильм Ираклия Андроникова — о поэзии и смерти, о том, как быстро недрубили корень, о том, как трудно поэту поле перейти, жизнь дожить. Дописать альбом до конца. Фильм Андроникова о том, как поэт предсказывает свою судьбу, накликает ее: «В полдневный жар в долине Дагестана с свином в груди лежал недвижим я; глубокая еще дымила рана, по капле кровь точилась моя».

«Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили». Вечную детскую цветастую формулу вспоминаешь, слушаешь Андроникова. «Погиб поэт» — это знание воздушными путями вхо-

О новом телефильме Ираклия Андроникова

эти о разном: о России и Востоке, о преданиях Кавказа, о пустыне, внемиющей богу, о невыносимости одиночества, о ссылке, обо всем на свете. Стихи эти об одном и том же: о смысле жизни, о даре жизни, о чуже жизни, которое всего «с час».

Ираклий Андроников заражает нас своим волнением и увлекает за собой. В отличие от прежних передач писатель редко появляется в